

10. Кубасов И. Кукольник Нестор Васильевич // Русский библиографический словарь. – Т. 9: Кнапе-Кюхельбекер. – СПб., 1903.
11. Нехамкин С. Мы очень любим оперу // Аргументы недели. – 2008. – 4 декабря. – №49.
12. Николаенко А.И. Гоголь и Кукольник // Література та культура Полісся. – Вип. 14. – Ніжин, 2000.
13. Николаенко А.И. Н.В.Кукольник и Николай I: полемика по умолчанию // Социономикон. – Ростов-на-Дону. – Вып. 3.
14. В.Сиротенко (Львов). Письмо автору. – Декабрь 2006. Из архива автора.
15. Стасов В.В. Музыкальный ответ г-ну Кукольнику // Листок при афишах 16 марта 1862 года за подписью Стелловского.
16. Цит. по Штейнпресс Б.С. "Дневник" Кукольника как источник биографии Глинки // Глинка. Исследования и материалы. – Л.; М., 1950.

А.А.Карский

Памятник Н.В.Гоголю в Нежине

Первый памятник Н.В.Гоголю в Российской империи был установлен в Нежине Черниговской губернии 4 сентября 1881 года (здесь и далее – по старому стилю). Двенадцатилетний Николай Гоголь-Яновский поступил в Нежинскую гимназию высших наук 1 мая 1821 года. Таким образом, открытие памятника было приурочено к 60-летию появления Гоголя в этом городе. А 4 сентября выбрано для торжества потому, что, по предположениям, именно в этот день в 1820 году открылась сама Гимназия высших наук.

Сооружение монумента происходило в весьма сжатые сроки и с большой долей импровизации. От рождения идеи до ее воплощения прошло чуть больше года.

Как известно, 6 июня 1880 года в Москве был открыт памятник А.С.Пушкину (скульптор А.М.Опекушин). Это событие взволновало интеллигенцию страны. В маленьком уездном Нежине решили поставить памятник другому гениальному художнику слова.

Что из себя представлял тогда Нежин? В городе было всего 64 кирпичных здания, остальные деревянные или мазанки, крытых железом – 536, а шелевкой – 282. В предместьях же дома, более двух с половиной тысяч, были просто покрыты соломой, причем большинство из них имели земляные полы, то есть, фактически, обходились вообще без полов.

Кроме этих сведений, киевская газета "Труд" в статье "Нежин" сообщает, что город "еще не обзавелся таким удобством жизни, как каменные мостовые". Неподалеку был железнодорожный вокзал, однако "весной и осенью дорога от Нежинского вокзала до города представляет море глубокой грязи, в которой тонут экипажи с довольно высокими колесами" [1].

У небольшого уездного города была одна бесспорная гордость – Гоголь. Он семь лет проучился в знаменитой Гимназии высших наук, здание которой и в 80-е годы XIX века оставалось самым большим и значительным во всей округе. С 1875 года в этом красивом, классических форм корпусе находился Историко-филологический институт князя Безбородко. Студенты-филологи, в отличие от гимназистов гоголевской поры, жили словно затворники, в городе показывались редко, и об их существовании мало кто знал. В институте, по воспоминаниям современников, царил культ Гоголя.

Инициативная группа по созданию памятника состояла, по преимуществу, из чиновников окружного суда, выпускников Юридического лицея князя Безбородко (существовавшего в том же знаменитом здании после Гимназии высших наук и Физико-математического лицея с 1840 по 1875 год). Действовать они стали решительно: создали Комитет во главе с членом Нежинского окружного суда И.Л.Дейкуном, незамедлительно через черниговского губернатора обратились к новому министру внутренних дел графу Лорис-Меликову и вскоре получили от него разрешение открыть сбор пожертвований.

Внезапно выяснилось, что классик в своем завещании просил не ставить ему "никакого памятника". Комиссия была в растерянности: подписка уже открыта, общественность оповещена...

Действительно, обнаружили подлинные слова писателя: "Завещаю не ставить надо мною никакого памятника, и не помышлять о таком пустяке, христианина недостойном" [2, IV, с. 566–567]. Более того, Гоголь, оказываясь, настаивал и проявлял опасение, "...чтобы по случаю неведения сего завещания никто не сделался пред ним невинно-виноватым и тем не нанес бы упрека на свою душу" [2, IV, с. 572].

Разумеется, никто не хотел становиться "невинно-виноватым". А ведь получалось еще хуже: узнали о завещании – и все-таки нарушили!

Но недаром в Комитете, в основном, были юристы. Они изучили текст завещания и обнаружили грамматическую двусмысленность, из-за которой, как удалось доказать, и возникало недоразумение. В самом деле: Гоголь написал "надо мною", а это можно было толковать как "над прахом", то есть – на могиле! Но ведь памятник в Нежине предполагалось

ставить вовсе не на месте погребения! Таким вот образом было найдено разрешение этого непростого юридического казуса. Сбор средств продолжился.

Но сразу же возник острый вопрос: а где поставить памятник? Поскольку в городке был всего один-единственный сквер, недавно устроенный на месте гигантской лужи уездным предводителем дворянства В.В.Тарновским, многие склонялись к тому, чтобы именно тут и установить бюст писателя. Но возникали и сомнения: начнутся в сквере народные гулянья, будет звучать музыка, смех, а рядом – ворота мужского монастыря. Уместно ли такое соседство?

С немалым трудом юристам удалось доказать, что, поскольку Н.В.Гоголь был истинным, искренним христианином, то соседство с монастырем его памятнику не возбраняется.

Обсуждался еще один вариант: бывший учитель Гимназии высших наук Иван Григорьевич Кулжинский, по-прежнему проживавший в Нежине и включенный в Комитет по сооружению бюста, настаивал, что памятник должен стоять на площади перед зданием, в котором некогда находилась Гимназия, и Николая Васильевича нужно повернуть к нему лицом.

Предложение казалось спорным. Прежде всего, всем было известно, что у Гоголя сложилось невысокое мнение об **alma mater**, он считал годы, проведенные в Гимназии, чуть ли не потерянными. Вот, например, что можно прочесть в его письме к матушке из Нежина: *"Я не говорил никогда, что утерял целые шесть лет даром, скажу только, что нужно удивляться, что я в этом глупом заведении мог столько узнать еще... Кроме неискусных преподавателей наук, кроме великого нерадения и пр., здесь языкам совершенно не учат. Доказательством сему служат те, которые, приехавши сюда с некоторыми познаниями в языках, выезжали позабывши последние..."* (письмо от 1 марта 1828 года) [3; 1, с. 97]. Исследователи, конечно, считали эти слова преувеличением, гротеском. Но ведь и позже, много лет спустя, в авторской исповеди, при жизни неопубликованной, писатель с горечью заметил: *"...надобно сказать, что я получил в школе воспитание довольно плохое..."* [4, VI, с. 446].

И.Г.Кулжинскому, преподавателю латыни, читать это, надо полагать, было вдвойне досадно. Во-первых, он и сам признавал, что юный Николай Гоголь мало что от него усвоил. *"Надобно признаться, что не только у меня, но и у других товарищей моих он, право, ничему не научился..."* [5]. А во-вторых, Иван Кулжинский – это тот самый незадачливый автор "Малороссийской деревни", стихотворной идиллии, над

которой потешались все гимназисты – и, разумеется, Николай Гоголь-Яновский.

И все-таки Кулжинский настаивал: бронзовый Гоголь должен смотреть именно на Гимназию. Его опять не послушали – на сей раз судейские. Как сказано в "Отчете Комитета", главный аргумент против: "...постановка бюста среди голой и грязной площади не представлялась желательною" [6, с. 26]. Огораживать сквер, сажать деревья – уже не оставалось времени. И средств на это не было. Еще неизвестно, наберется ли необходимая сумма на сам монумент.

Кроме распространения подписных листов, решено было для пополнения кассы устроить в городе любительские спектакли и выставку картин.

Своего театра в Нежине не была. Да и гастролирующие труппы редко заезжали в уездный городок. Здесь было единственное помещение, которое как-то можно было временно приспособить для представлений, – актовый зал все того же огромного учебного здания, выстроенного стараниями графа И.А.Безбородко согласно завещанию его брата, екатерининского вельможи князя А.А.Безбородко.

Люди с артистическими талантами в городе нашлись. Душою дела и главным организатором спектаклей стал председатель Нежинского окружного суда Николай Романович Гиппиус, как отзывались о нем современники, большой знаток литературы и драматического искусства. Он был болен – у него шел легочный процесс. В "Отчете Комитета" сказано: "Слабое здоровье его немало страдало от непрерывных хлопот и трудов, выпавших на его долю; но не смотря на это он с полным самоотвержением во имя великой идеи довел дело до конца..." [6, с. 25].

Зинаида Гиппиус, известная поэтесса, так описывает в своих "Воспоминаниях" то время: "Гоголя я уже знала, – отец был его поклонником и даже устроил два любительских спектакля (играли его сослуживцы)... Театра там, конечно, не было, играли в зале Гоголевского института, а репетиции все происходили у нас" [7, с. 212].

Актеры-любители исполнили "Женитьбу" Гоголя и "Свадьбу Кречинского" Сухова-Кобылина. Успех был грандиозный! Сотни нежинцев, никогда не видевшие ничего подобного, стекались к величественному трехэтажному зданию, поднимались по широкой лестнице, по которой некогда взбегал юный Гоголь-Яновский, проходили в ту самую залу, куда когда-то тайком, прячась от преподавателей, проскальзывал на театральные репетиции будущий великий драматург. Зимой 1880–1881 годов публика в зале от души веселилась, хохот стоял такой, какого тут не было

более пятидесяти лет, с того времени, как на этой же самой сцене гимназисты Нестор Кукольник и Николай Гоголь разыгрывали комические мизансцены из "Недоросля" Фонвизина. Денег от спектаклей было собрано 520 рублей [6, с. 27]. Энтузиаст самодеятельного театра Николай Гиппиус до открытия бюста не дожил...

Выставка картин оказалась для Нежина событием совершенно непривычным. Ее изюминкой были работы известного художника Николая Ге, жившего в то время по соседству, на хуторе Ивановском, Кроме того, местные богатые помещики свезли из своих имений старые полотна, у кого что было. Но посетителей побывало немного, и касса Комитета пополнилась всего на 35 рублей 40 копеек [6, с. 27].

В целом же сбор пожертвований проходил успешно. Следует напомнить, что 1880 год в империи был неурожайным: в одних губерниях зерновые погубила непогода, в других – жучок. Цены на продовольствие резко возросли. Однако желающих почтить память великого писателя это не остановило. Многие видные деятели того времени, придворные, политики и писатели были избраны почетными членами Комитета, им рассылались письма с уведомлением о почетном избрании – в ответ приходили благодарности и ассигнации. Среди жертвователей находим имена графа Лорис-Меликова, харьковского генерал-губернатора Дондукова-Корсакова, графа Мусина-Пушкина, князя Долгорукова, Петра Аркадьевича Кочубея. 100 рублей внесла и графиня Софья Андреевна Толстая. Свой скромный вклад – 25 рублей – прислали Комитету крестьяне общества слободы Масловой Ефремовского уезда. Вот так всем миром собрали около девяти тысяч [6, с. 26–27].

Что касается художественной части проекта, то Комитету, можно сказать, повезло: тогда достаточно широко был известен своими вполне профессиональными работами уроженец Черниговщины – действительный член Академии художеств скульптор Пармен Петрович Забелло (Забіла). Он с радостью взялся за заказ и вскоре представил эскизы памятника и предварительную смету расходов. Скульптор вызвался детально разработать проект и изготовить модель в предельно сжатые сроки и за весьма умеренную плату – всего 800 рублей. Как сказано в "Отчете", "Комитет, не имея достаточно времени и средств для открытия конкурса... мог только благодарить судьбу за то, что его дело попало в руки такого опытного и талантливого художника..." [6, с. 24].

Скульптор получил задаток и немедленно приступил к работе. Все спешили, словно предчувствовали, что благоприятный период может внезапно оборваться. И тут как нельзя лучше пригодилась деятельная

натура Петра Аркадьевича Кочубея. Потомок славного княжеского рода, он посвятил себя делам мирным: был председателем Русского технического общества, сажал леса в Полтавской и Черниговской губерниях. Сооружение монумента, конечно, не могло обойтись без его участия. Поскольку художники и скульпторы всегда нуждаются в поддержке и помощи, он и взял на себя это бремя. Администрировал он удачно: помог П.П.Забелле найти в Петербурге помещение для изготовления модели, составил из компетентных лиц комиссию для художественной и технической оценки бюста и пьедестала, связался со скульптурной мастерской и мастерской бронзового литья, где и разместил заказы, лично наблюдал за ходом работ.

В Рукописном отделе РНБ хранится письмо академика Николая Брюллова (племянника знаменитого Карла Брюллова) П.А.Кочубею:

С Петербурга

19 Мая 1881 г.

Многоуважаемый

Петр Аркадьевич!

С глубоким чувством уважения и признательности выражаю Вам мою искреннюю благодарность за внимание и дорогую память, которую Вы мне сделали, прислав мне фотографию с модели устраиваемого Памятника Гоголя, в г. Нежине, который так удался благодаря Вашему постоянному и неутомимому вдохновению, которое Вы так умно уме –ете вызывать у каждого из трудящегося для высокого назначения художества. Весь Ваш

Николай Брюллов [8].

Следовательно, к середине мая 1881 года модель уже была готова. Оставалось отлить бюст. К этому времени, как известно, ситуация в стране резко ухудшилась. Империя после убийства Александра II, была погружена в глубокий полугодовой траур. В Петербургском филиале Архива РАН я обнаружил очень интересные документы, позволяющие ощутить, как отозвалось убийство императора в далеком Нежине, как оно отразилось, в частности, на спокойной, отлаженной жизни Историко-филологического института. Есть в этих документах и некоторые любопытные подробности об открытии памятника Н.В.Гоголю. Я говорю о письмах директора Института Николая Алексеевича Лавровского своему брату Петру Алексеевичу, попечителю Одесского учебного округа [9]. Судя по листу использования документов, их переписку 1881–1882 годов до сих пор никто не изучал.

Несмотря на очень трудный для чтения почерк Н.А.Лавровского, кое-что удалось разобрать.

"Катастрофа у нас стала известна в 11 часов в понедельник, хотя телеграмма пришла в Нежин в 7¹/₂ часов утра. Так как мне официально дано б<ыло> знать в 1-м часу, то все лекции у нас сошли в тот день нерவில்но. На другой день, день присяги, их, разумеется, не было, но за тем все вошло в свою колею, хотя студенты и заявляли желание на более продолжительную свободу от лекций" (письмо от 6 марта 1881 г.) [9, л. 8 об].

"Дней десять тому назад здесь арестовали учителя приходского училища, с которым были знакомы и два-три наших студента. До сих пор дело стоит только на знакомстве, а дальнейшее покажет следствие. Теперь, брат, ни от чего не убережешься, не смотря на величайшие усилия" (письмо от 10 апреля 1881 г.) [9, л. 14].

"У меня случилась скверная история, наделавшая мне много хлопот, а главное замутившая порядочно мою голову. Дело в том, что в институте арестован один студент 1-го курса, а в гимназии один ученик VIII класса. Недели две тому назад был в Нежине арестован учитель городского училища, Пархоменко, с которым и были знакомы оба гуся..." (письмо от 26 апреля 1881 г.) [9, л. 16].

Нервозность, озлобленность опускались на страну. Можно сказать, террористы добились своей цели: спокойствие, мораль, культура – всё начинает рушиться! И под подозрением оказывается, конечно, в первую очередь критическая, свободная мысль. Тут уж не до великого сатирика, не до памятника ему!

Но, к счастью, памятник создавался очень быстро. Деньги уже собраны в достаточном количестве. Модель бюста к маю уже готова. Постамент заказан.

Видимо, в конце апреля перед Комитетом возник вопрос: что написать на памятнике? Вопрос непростой, если учесть, что материалов о Гоголе в то время было не так уж много. Инициаторы создания первого памятника великому писателю, вероятно, даже не подозревали, с какими трудностями им предстоит столкнуться. Научно выверенной, канонической биографии классика еще не существовало. И хотя были живы многие его родственники, друзья, просто знакомые, хотя росла и ширилась армия исследователей биографии Гоголя, но все они толковали по-разному, даты двоились, неточности множились, и во всем этом хаосе очень легко было потеряться.

Простой вопрос: когда и где Николай Гоголь родился? Поначалу считалось, что он появился на свет в Васильевке в родовом имении отца. Затем мать покойного писателя Марья Ивановна сообщила, что сын родился в 1810 году, 19 марта, в местечке Сорочинцы. Эта дата и появилась в "Опыте биографии Н.В.Гоголя" [10, с. 4]. Сочинение Николая М. (под этим псевдонимом выступил П.А.Кулиш) вышло в Санкт-Петербурге в 1854 году, на эту книгу затем долгое время ссылались все прочие исследователи. Некоторые выезжали в гоголевские места, уточняли, расспрашивали местных жителей и в итоге вроде убедились – да, действительно, родился в Сорочинцах, куда его удивительно юная пятнадцатилетняя мать приехала перед родами в надежде на искусство местного врача Трахимовского. Молва утверждала, что здесь она дала обет: если появится сын, назовёт его Николаем – в честь чудотворного образа Николая Диканьского [11, с. 1].

Но дата по-прежнему вызывала сомнения. Кто-то называл 1809 год, в каком-то французском переводе повестей Гоголя указан был 1808 год. Можно представить, в какой непростой ситуации оказался Комитет. Поэт и переводчик, воспитанник Нежинского юридического лицея (выпускник 1847 года) Николай Васильевич Гербель в своем письме к П.А.Кочубею, видимо, в конце апреля, писал:

*Многоуважаемый и добрейший
Петр Аркадьевич!*

Возвратясь вчера от Вас домой, я долго не мог успокоиться, озабоченный Вашим поручением составить надписи для памятника Гоголю в нашем Нежине... Думаю, что спереди пьедестала должно быть изображено только: Г о г о л ь, без всяких Николаев Васильевичей и великих писателей и тому подобного, так как Гоголь велик и без того и всякому известен... [12, с. 112].

И далее Гербель без малейших сомнений советует написать на левой стороне постамента:

*"...Родился в Малороссии
19 марта 1810 года.*

*Воспитывался в Нежине
с 1819 года по 1828 год" [12, с. 114].*

Тут допущено сразу несколько ошибок. Николай Гоголь-Яновский поступил в Гимназию высших наук в 1821 году, а не в 1819 – тогда и Гимназия еще не существовала. Эту неточность, разумеется, заметили, и на постаменте год поступления указан правильно.

Ошибку допустил Н.В.Гербель и в дате рождения, но это была общепринятая в то время ошибка.

Намного позже, в 1892 году, в работе В.И.Шенрока "Материалы для биографии Гоголя" появилась другая дата – 19 марта 1809 года [11, с. 1].

Именно она, кстати, высечена на постаменте бюста Н.В.Гоголя в Санкт-Петербурге в Александровском саду возле Адмиралтейства. Этот бюст был установлен в 1896 году, спустя 15 лет после того, о котором здесь идет речь.

Но и эта дата была еще сомнительной. В январе 1900 года В.А.Гиляровский посетил местечко Большие Сорочинцы и сделал то, что необходимо было предпринять давным-давно. Он поискал старую метрическую книгу. И оказалось, что священник Преображенской церкви, о. Севастиан, еще лет десять назад нашел ее в церковном архиве, ознакомился и отложил до лучших времен. Владимир Алексеевич, разумеется, полюбопытствовал заглянуть в нее.

В Рукописном отделе РНБ имеется калька, на которой воспроизведены выписки из этой метрической книги [13]:

Метрическая книга о родившихся, бракомъ сочетавшихся и умершихъ въ Преображенскомъ приходе м. Сорочинець съ 1803-го года по 1813-й включительно [13, л. 1].

Далее, в марте 1809 года под порядковым номером 25 значится (в современной орфографии):

У помещика Василия Яновского родился сын Николай и окрещен – 22. Молитвовал и крестил Священнонаместник Иоанн Беловолский

Перед этой записью, в столбце "Число рождения", указано – 20. А в последней графе "Кто восприемники" значится:

Господин Полковник Михаил Трахимовский [13, л. 2].

С тех пор окончательно и утвердился в календарях и учебниках день рождения Николая Васильевича Гоголя – 20 марта (естественно, по старому стилю, а по новому – 1 апреля).

В Нежине в 1881 году о метрической книге Преображенской церкви еще не ведали, и потому на первом памятнике Н.В.Гоголю дата его рождения была указана неверно. Много лет спустя год рождения (но не число) все-таки подправили, но сделано это было так топорно, что исправление сразу бросается в глаза.

Однако надо было еще и другие надписи наметить и утвердить. Со всех сторон высказывалось множество самых противоречивых взглядов, отчего вопрос этот страшно запутался. Решили обратиться к автори-

тетным писателям. Инициативу проявил всё тот же неутомимый граф П.А.Кочубей. Он писал 12 мая из столицы председателю Комитета: *"...Решение вопроса о надписях представляет затруднения в виду разнообразия взглядов и идей... Я советовался насчет этих надписей с Н.В.Гербелем, И.С.Тургеневым и Д.В.Григорovichем, людьми вполне компетентными; их мнения, выраженные в адресованных мне письмах, я Вам лично представляю..."* [12, с. 112].

Фрагменты из письма Н.В.Гербеля уже приведены выше. Добавлю лишь, что он предлагал поместить на задней стороне постамента стихи собственного сочинения, обосновывая это странным образом: *"Мне же написать их было всего более прилично, как единственному поэту, приобретаемому известность и воспитанному тем же заведением..."* [12, с. 113]. Уважаемый Николай Васильевич Гербель, видимо, запомнил, что из славной Нежинской Гимназии вышло немало даровитых поэтов: Виктор Забила, Евгений Гребенка, а Нестор Кукольник еще и пьесы писал. Правда, всех их уже не было в живых, но забыты они не были. После разговора с графом Кочубеем Д.В.Григорovich, видимо, взял время на размышление, после чего изложил свои мысли в письме. Сейчас оно хранится в Рукописном отделе РНБ. Поскольку между напечатанным в "Филологических Записках" текстом и оригиналом я насчитал около 20 расхождений, причем некоторые достаточно серьезные (пропущено слово, изменены слова, перепутаны предлоги, неверная разбивка на абзацы, знаки препинания расставлены неточно), считаю необходимым опубликовать это небольшое письмо целиком (в современной орфографии):

Милостивый Государь

Петр Аркадьевич.

В настоящее время, как слышно, обсуждается вопрос о надписях, которыми предполагается украсить памятник Гоголя. Считаю долгом своим высказать Вам по этому вопросу мое мнение. Оно вызвано, главным образом, беседой с Вами – беседой, из которой я вывел заключение, что Вы не остановились еще окончательно на решении, как распределить надписи.

По убеждению моему, со стороны фаса памятника, там, где под бюстом находится имя "Гоголь", – должно быть выставлено в сокращенных буквах: место его рождения, год его рождения и кончины и знаменитое изречение: "...сквозь видимые для мира слезы и т.д."

Задняя сторона пьедестала должна быть исключительно посвящена названиям сочинений, расположенным в хронологическом порядке.

Всякие прибавки к этому: хвалебные изречения, стихи и т.д., – по мнению моему, не только были бы неуместными, но даже оскорбительными для дела, которое говорит само за себя, как только сопрягается с именем такого высокого значения, как имя Гоголя.

*Передавая Вам таковое мнение мое,
прошу Вас принять уверение в чувствах
глубочайшего уважения и преданности*

Мая 3 Д.Григорович

1881 г. [14].

Письмо написано на целом листе хорошей писчей бумаги, размашистым, уверенным почерком. Дмитрий Васильевич, видимо, торопился, начиная с середины текст всё труднее разобрать, а в двух последних абзацах слова вообще представляют из себя местами слитную, замысловатую вязь. Предупреждение о недопустимости каких-либо хвалебных стихов возникло, вероятно, потому, что П.А.Кочубей в личной беседе сообщил о предложении Гербея.

Письмо И.С.Тургенева к П.А.Кочубею имеется в его Полном собрании сочинений и писем. Написано оно было 7 мая 1881 года в Санкт-Петербурге, куда писатель недавно, всего неделю назад прибыл из Франции. Вот фрагменты из этого письма:

Милостивый государь

Петр Аркадьевич!

Вы были так любезны и заезжали вчера ко мне – но, к сожалению, меня не было дома. Впрочем, я от Д.В.Григоровича узнал, о чем именно Вам было угодно побеседовать со мной, и я спешу через его посредство доставить Вам мое мнение о надписях, которые следовало бы вырезать на памятнике Гоголю... Я полагаю, что надо бы вырезать на переднем фасае имя (Н.В.Г<оголь>), а также год и место рождения и смерти; а на боковых фасах названья выдающихся творений Гоголя; всякое другое прибавление было бы неуместным или ослабило бы впечатление. Всё, что можно бы допустить, – это подходящий короткий текст под именем; но предпочтительнее обойтись бы и без него. Одно имя Гоголя достаточно говорит само за себя... [15, XIII, кн. 1, с. 85].

В конце июля 1881 года бюст был отлит в мастерской бронзовых изделий Шопена в Петербурге. (Интересное наблюдение: если приглядеться, в драпировке одежды на левом плече бюста в игре светотени можно разглядеть профиль самого скульптора.) В Петербурге, в скульптурной мастерской братьев Ботта, был также изготовлен и гранитный пьедестал. Все вопросы, связанные с доставкой этих составляющих в

Нежин, опять взял на себя неутомимый П.А.Кочубей. Он провел удачные переговоры с руководством Николаевской, Московско-Курской и Курско-Киевской железных дорог. В результате первая компания вызвалась перевезти все части монумента за половинную плату, а две другие – и вовсе бесплатно [6, с. 26]!

Тем временем в Нежине в городском сквере с июля начались подготовительные работы. Был окончательно определен срок открытия – 4 сентября. Что касается надписей, то Комитет, ознакомившись со всеми пожеланиями и, конечно, особенно внимательно с мнением известных писателей, решил под бюстом укрепить табличку с крупными медными буквами:

Гоголь.

А ниже, на лицевой стороне квадратной колонны, на специальной медной доске поместить чуть сокращенный, урезанный известный пассаж из VII главы "Мертвых душ". В оригинале, и в первом издании (1842) и во втором (1846), он выглядит так: "И долго еще определено мне чудной властью идти об руку с моими странными героями, озирать всю громадно-несущуюся жизнь, озирать ее сквозь видный миру смех и незримые, неведомые ему слезы!" [16, с. 258; 17, с. 254].

А в результате решительного экстренного сокращения получилось вот что: "...определено мне чудной властью... озирать жизнь сквозь видный миру смех и незримые, неведомые ему слезы!"

Вскоре после убийства Александра II 24 марта 1881 года вместо графа Д.А.Толстого министром народного просвещения был назначен шестидесятилетний барон А.И.Николаи. Боевого генерала, много лет проведенного на Кавказе, иногда направляли поруководить народным образованием. В 1861 году он совсем недолго служил попечителем Киевского учебного округа, затем, в 1862 году, даже побывал товарищем министра народного просвещения. Потом опять долго служил на Кавказе, а с 1875 года являлся членом Государственного Совета.

Оказавшись во главе министерства, он решил для начала посетить уже знакомый ему Киевский учебный округ.

Газета "Киевлянин" из номера в номер подробно освещала визит министра. В воскресенье 23 августа в 12 часов дня он прибыл в Киев и посетил Университет св. Владимира [18], на следующий день обедал у начальника края вместе с некоторыми университетскими профессорами [19]. 30 августа барон Николаи появился в Нежине. В тот день в Историко-филологическом институте должен был состояться традиционный торжественный акт по случаю начала учебного года.

Вот что писал Н.А.Лавровский, директор Института, своему брату 31 августа: *"Сначала он обошел все здание, был очень внимателен, кажется, остался всем доволен; затем к молебну, затем общее представление всех служащих в институте и гимназии, а потом акт. Тут ему, кажется, не совсем понравилась речь Аристова "Об историч. значении сочинений Гоголя", к-рую, за отсутствием автора, читал проф. Зенгер [12].*

Речь, по обычаю, топорная... Впрочем, он мне только выразился, что не всему в речи сочувствует..." [9, л. 30].

Газета "Киевлянин" оказалась прекрасно осведомленной. В корреспонденции из Нежина, опубликованной 10 сентября, сообщалось: *"...Речь была написана на тему "Историческое значение произведений Гоголя". На основании этих произведений автор речи представил современное Гоголю общество в таких черных красках, что это вызвало следующее замечание г. министра: "Напрасно автор не оговорился, что Гоголь имеет в виду исключительно дурную сторону общества известного времени, потому что в том же обществе и в то же время было немало кое-чего хорошего"..." [20].*

После этого барон отбыл в Харьков. Он, разумеется, знал о двух арестованных: студенте и гимназисте. Но об этом не проронил ни слова. Знал министр и о скором открытии памятника Гоголю. Но, как видно из писем Лавровского и газетных заметок, не поинтересовался, не задержался в Нежине. Скрытое неудовольствие, затаенная настороженность проскользнули в реакции на услышанную речь. Сатира, обличение, критика – все это оказывалось теперь под подозрением. Даже вполне умеренный либерал Н.А.Лавровский стал казаться каким-то опасным вольнодумцем. Директор Института, конечно, почувствовал, что ситуация меняется, что положение его становится шатким, тревожным, что работать дальше в такой ненормальной обстановке будет трудно. Менее чем через год он подаст в отставку. Но пока он озабочен другим. В том же письме от 31 августа он продолжает:

"Теперь у меня новая тревога по открытию памятника Гоголю 4 сент. Придется сказать несколько слов. Мне вся беда в гостях: придут в графскую квартиру Мусин-Пушкин, Кочубей и пр. Вероятно, наедет много и других гостей, к-рых придется устраивать и валандаться с ними" [9, л. 30].

2 сентября в империи закончился полугодовой траур. Подданные могли больше не носить темную, преимущественно черную одежду, сняли черные банты, ленты и повязки. Газеты, очевидно, получив подробную

программу предстоящего праздника в Нежине, сразу же обнародовали ее. Но времени для того, чтобы это событие получило большой резонанс в России, чтобы тысячи поклонников творчества Гоголя смогли добраться до Нежина, уже фактически не оставалось. Кстати, если бы приезжих оказалось много, то им в маленьком городке с 2–3 заезжими дворами, громко именуемыми гостиницами, просто негде было бы остановиться. Поэтому Комитет разослал лишь ограниченное число именных приглашений. Но и на них мало кто откликнулся. Сестра писателя прислала из Полтавы телеграмму: "Нежин. Председателю Комитета. – Благодарю и сожалею, что не могу воспользоваться таким любезным и лестным для меня приглашением. – Анна Гоголь" [6, с. 12]. Открытие памятника обречено было сделаться праздником местного масштаба.

Столичное "Новое Время" 2 сентября со ссылкой на киевскую "Зарю" подробно рассказывало о том, что и как произойдет через два дня: "...После обедни в церкви института князя Безбородко будет отслужена панихида по усопшем, после чего из церкви процессия представителей комитета, города, учебных заведений, вместе с приезжими гостями направится в сквер к поднятию бюста..." [21].

"Киевлянин" оповещал: "Завтра в Нежине последует открытие бюста Николая Васильевича Гоголя. Скромнен памятник, которым почтил родной город гениального писателя, но он создан искреннею любовью поклонников великого деятеля русской мысли и родного слова... Из университетских профессоров едут, как мы слышали, несколько членов историко-филологического, юридического и медицинского факультета" [22].

То есть, получается, это даже не официальная депутация, а просто ряд профессоров, изъявивших желание поприсутствовать. Депутации в Нежин поехали от нескольких гимназий и... корпорации киевских присяжных. Ни один из крупных отечественных писателей того времени в Нежин не приехал. Вообще интеллигенция обеих столиц как-то обошла это мероприятие.

Открытие памятника состоялось в намеченный день.

"ТЕЛЕГРАММЫ.

1). *От специального корреспондента "Киевлянина". Нежин.* 4-го сентября. В городском сквере, по прочтении акта передачи памятника в ведение города... депутаты сложили венки у подножия бюста и торжество закончилось национальным гимном "Боже, Царя Храни!" при громогласных криках "ура" многочисленной толпы, В час дня в актовом зале института, украшенной портретом Гоголя, началось торжественное заседание в присутствии многочисленной публики, прочтены были

адресы и телеграммы от учреждений, обществ и лиц... Затем директором института, г. Лавровским, произнесена была прекрасная речь. Торжество закончилось национальным гимном. В 514 часов происходил обед, устроенный для участников торжества В.В.Тарнавским" [23].

В следующем выпуске "Киевлянина" прошедшему событию посвящены уже две с половиной страницы [24]. Это подробное описание с приложением Отчета Комитета и речей затем было выпущено отдельной книжицей – "4 сентября 1881 года в Нежине. Открытие памятника Н.В.Гоголю" [6].

Н.А.Лавровский писал брату 16 сентября:

"Дорогой Петинька... Ты спрашиваешь о Гоголевском празднике. Он действительно прошел скромно. Ожидали разных тузов, говорили про Костом <арова>, Тургенева, Островского и проч.; но все это оказалось пухом... На акте пришлось и мне сказать несколько слов..." [9, л. 31].

Так вот сдержанно Н.А.Лавровский говорит о своей блестящей речи "К биографии Н.В.Гоголя". Речь эта включена в книгу "4 сентября 1881 года" [6, с. 35–51], вышла она и отдельным изданием [25].

В частности Н.А.Лавровский сказал: "Материалы для биографии Гоголя, благодаря нашей беспечности, а отчасти и неумелости обращаться с ними, до сих пор очень скудны. Наибольшая часть их не издана, а что и издано, представляет нередко пробелы и возбуждает недоумения... Мы вообще мало внимательны к своим замечательным общественным деятелям. Время летит неудержимо, сглаживая и истребляя следы. Кто знает, целы ли теперь те письма, из которых сделаны только извлечения, сколько их пропало бесследно. Сколько уже успело сойти с житейской сцены лиц, которые могли бы своевременно сообщить много интересных сведений..." [25, с. 2–3].

Речи на банкете, к сожалению, не блистали. В том же письме брату от 16 сентября Лавровский пишет:

"Говорились пустые речи, истинно-пустые, доказавшие совершенную неприготовленность или неспособность ораторов..." [9, л. 31 об].

А вот группы молодежи – гимназисты, студенты, какие-то веселые разночинцы – собравшись вечером под дождем в городском сквере, возле памятника любимому писателю, искренне радовались. Газета "Киевлянин" так рисовала эту картину: "До 11 вечера из сквера раздавались мощные звуки национального гимна, исполняемые попеременно оркестром военной музыки и хором молодых голосов. Интересно, что этот хор не был заранее организован... К молодым певцам пристала публика, хор всё разрастался и разрастался; пели все. Окончание гимна покрывалось громовыми "ура!" и требованиями повторить..." [26].

Литература

1. Труд. – 1881. – 2 сентября. – №81.
2. Гоголь Н.В. ПСС. – Москва, 1874.
3. Письма Н.В.Гоголя. Редакция В.И.Шенрока. Москва. 1902. LXXVI. Уточнено по: СС Н.В.Гоголя. – Москва, 1967. – Т. 7, №8. – С. 55.
4. Гоголь Н.В. СС. Москва, 1967. <Авторская исповедь>.
5. И.К.(И.Г.Кулжинский). Воспоминания учителя. Москвитянин, 1854. – VI, №21 (ноябрь), Кн. 1. – Отдел V: Смесь. – С. 3.
6. 4 сентября 1881 года в Нежине, Открытие памятника Н.В.Гоголю. – Киев, 1882.
7. Зинаида Гиппиус. Воспоминания. – Москва, 2001.
8. РНБ, Рукописный отдел, ф. 1000, оп. 1, ед. хр. 287.
9. ПФА РАН, ф. 704, оп. 1. ед. хр. 15.
10. Опыт биографии Н.В.Гоголя со включением до сорока его писем. Сочинение Николая М. (П.А.Кулиш). – СПб., 1854.
11. Шенрок В.И. Материалы для биографии Гоголя. – Москва, 1892.
12. "Филологические записки", 1890. – Выпуск VI. С.Н.Браиловский. Заметка по поводу вопроса о памятнике Н.В.Гоголю в Москве.
13. РНБ, Рукописный отдел, ф. 874, оп. 2, №173, Арх. С.Н.Шубинского.
14. РНБ, Рукописный отдел, ф. 222, Григорович Д.В., №1.
15. Тургенев И.С. ПСС. – Л., 1968. Письма, №5451.
16. Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма Н.Гоголя. – Москва. 1842.
17. Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма Н.Гоголя. – 2-е изд. – Москва, 1846.
18. Киевлянин. – 1881. – 25 августа. – №187.
19. Киевлянин. – 1881. – 27 августа. – №189.
20. Киевлянин. – 1881. – 10 сентября. – №199.
21. Новое Время. – 1881. – 2 сентября. – №1980.
22. Киевлянин. – 1881. – 3 сентября. – №194.
23. Киевлянин, 1881. – 5 сентября. – №196.
24. Киевлянин, 1881. – 6 сентября. – №197.
25. К биографии Н.В.Гоголя. Речь, произнесенная на торжественном акте Директором Историко-филологического Института Князя Безбородко Н.А.Лавровским, по случаю открытия памятника Гоголю в Нежине, 4 Сентября 1881 года. – Киев, 1881.
26. Киевлянин. – 1881. – 8 сентября. – №198.

Жанрово-стильові особливості "Пісні на новий 1805 год пану нашому і батьку князю Олексію Борисовичу Куракіну" Івана Котляревського

Означений Пантелеймоном Кулішем як "Ода князю Куракіну" твір сьогодні не перебуває в полі активної наукової обсервації: можливо, позначається стереотипне уявлення про нього як текст менш художньо вартісний, не канонічний взірець ("архітвір") нового українського письменства, а етикетний вірш, на який первісно не покладалася висока естетична місія.

Стильову природу "Пісні..." чи не вперше коротко схарактеризував І.Франко, простеживши синкретичний характер, а саме нерозчленованість барокових і просвітницьких світоглядних та жанрових рис: він "був безпосереднім продовженням давніших українських віршів, але також не менше, як інші українські твори, навіяний новочасним духом гуманності й лібералізму" [14, с. 260]. Спробою "поєднати традиційну українську різдвяну або новорічну віршу з російською одою часів розквіту класицизму" [1, с. 63] її вважали Д.Чижевський, Є.Кирилюк, Г.Нудьга, П.Волинський, М.Яценко. Згадані вчені зазначали, що твір репрезентує процес втрати одою традиційних для неї (у класицизмі – канонічних) жанрових рис, однак далі констатації не йшли. Слушними видаються міркування Т.Бовсунівської [2, с. 57] про специфіку функції комічного в реалізації просвітницької ідеї, однак залишається простір для деталізації змістово-формальної сфери "Пісні...". Тож наша *мета* – схарактеризувати синкретичну природу твору, простежити процес "змішання" жанрів (оди, панегірика, бурлескно-трагедійної орації), детермінованих культурними й мистецькими реаліями кін. XVIII – поч. XIX ст.

Вірш І.Котляревського, що, на жаль, перебуває на маргінесах літературознавчого осмислення, часто називають одою. Однак чи "Пісня на новий 1805 год пану нашому і батьку князю Олексію Борисовичу Куракіну" відповідає цій жанровій кваліфікації? Вірогідно, спричинилося до такої номінації насамперед винесене в назву поняття "пісня" (грец. *ода*). У тексті твору виразно помітні й інші основні змістові й формальні ознаки жанру: ідеалізація адресата, уславлення його мудрого й подвижницького керівництва, компліментарний стиль викладу, суто жанрові композиційні прийоми (вступ як звернення до античного персонажа, наявність ліричних відступів, позірна "лірична невпорядкованість", прикінцеве славослів'я